

Мелетинский Е. М. Поэтика мифа М., 1995.

Перельмутер В. П. Время крыс и крысоловов // Октябрь. 2002. № 7. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2002/7/shen-pr.html> (дата обращения: 03.11.2017).

Цветаева М. И. Лучшее. М. : Мартин, 2015.

УДК 821.161.1-32(470.5)

ББК Ш33(235.55)63-44

А.С. Шабурова

*(Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия)*

ХРОНОТОП ОХОТНИЧЬИХ РАССКАЗОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ СУБКУЛЬТУРЫ ОХОТНИКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ФОЛЬКЛОРА ПОС. ГАРИ, 1977)

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию охотничьих рассказов Северного Урала (пос. Гари Свердловской области). Материал гаринской университетской фольклорной экспедиции 1977 года малоизучен и представляет научный интерес. Автор статьи реконструирует процесс охоты, начиная от сбора на нее и заканчивая победой охотника или зверя, как он представлен в текстах. Значительное внимание уделяется роли охотника как медиатора между миром леса и миром людей.

Ключевые слова: быличка, охота, медведь, охотники, уральский фольклор, хронотоп.

Объектом рассмотрения данной статьи являются 23 охотничьих рассказа, входящих в гаринскую коллекцию 1977 года, собранную в результате фольклорной экспедиции студентов-филологов УрГУ; большинство из них близки жанру былички.

Охота для жителей Северного Урала играет большую роль, оставаясь здесь одним из главных видов деятельности и по сегодняшний день. Это обусловлено территориальным и климатическим положением поселка Гари: вокруг непроходимая тайга, зона рискованного земледелия, тесные контакты с коренными народами этих земель (ханты, манси).

Часть охотничьих рассказов по своей жанровой природе ближе всего быличке, основная функция которой – передать рассказ героя о встрече с «нечистой силой» [Словарь литературных терминов: URL]. При этом важна установка на достоверность. Как пишет И. Разумова, «"Идеальная быличка" предполагает установку на достоверность как рассказывающего, так и значительной части слушающих» [Разумова 1993: 4]. А В.Н. Путилов обращает внимание на погруженность былички в бытовые реалии: «В быличках мы оказываемся полностью в мире повседневности, обыденности, чаще всего деревенского быта, деревенской домашней жизни, здесь действуют обыкновенные реальные люди – сами рассказчики либо их близкие и знакомые...» [Путилов 1987: 7].

Герои быличек, как и охотничьих рассказов, часто не названы; они проявляют себя через действия, звуки. Слушатель должен сам догадаться, о ком идет речь: «Историю для того и рассказывают, чтобы собеседник отреагировал на нее и сам объяснил или объявил рассказчику, "что это было", а в качестве доказательства своего понимания привел аналогичный пример – еще один рассказ» [Цит. по: Левкиевская].

В рассматриваемых текстах охота – особая среда пребывания и испытания, куда открыт доступ не каждому. Охотник – тот человек, который имеет ключ к миру тайги, где главными действующими лицами выступают сам охотник, его собака и противник-зверь. Мир охотника представляет собой закрытую субкультуру, которая не вполне доступна исследователю. Как известно, субкультуру отличает собственная система норм и ценностей [Субкультура 2003: URL]. Охотники имеют свой кодекс поведения: своя «вотчина» (*«У каждого охотника есть своя вотчина. Мою – не трогай! [Текст № 1314]¹*), выбор способа охоты (*«Лося бить надо пулей круглой под лопатку. Он хлипкий – всею выворачивает. А на медведя – пуля овальная, 2 мерки пороху, чтоб мясо вырывало - тогда и успех тебе. Да не бойся – медведь сам летит на*

¹Здесь и далее фольклорные тексты выделены курсивом (прим. автора статьи).

выстрел» [Текст № 1314]), отношение к алкоголю («Обычай у нас: идем на охоту, на сезон, берем одну бутылку самогона, по ложке пьем. А кто подстрелит первого соболя – тому сразу вся бутылка» [Текст № 1330]).

Реконструкция процесса охоты. Распишем алгоритм действий, как его можно восстановить на основе всего массива текстов.

1. Охотник может ставить охоту самостоятельной целью, но может и просто предполагать её. (*«Пошли мы сено с бабой косить. Дождя тогда не было. Ягод мало было. Но я место знал – ложок, полон брусники. Взял ружье на рябчиков» [Текст № 1313]).*

2. Сборы на охоту: важны детали, происшествия, необычное поведение вещей, которые наделяются свойствами живого и разумного (*«Когда патроны брал – 5 шт. дробовых, то один нулевой на пол пал, как бы просит: «Возьми и меня». Я взял. Пока шел 3-х рябчиков убил. Потом 2-х глухарей приручил. Остался у меня один нулевой патрон. Тут баба моя и увидела – медведь. Я его отманил – метров с шести в ухо грянул. Он уснул. <...> Выходит нулевой когда упал, – ко мне просился, что в башке медвежачей пожить» [Текст № 1313]).*

3. Пересечение границы – прибытие в лес, где важное место занимает избушка охотников – их второй дом.

4. Мотив «благословления», в котором проявляется специфика гаринских текстов. «Благословление» может получить не каждый охотник, но без него охота будет неудачной. В роли благословляющих в текстах выступают вражьи, с которыми охотник поддерживает связь: *«В Ачитском сельсовете была женщина Степа Цыгинская. И охотник пойдет, а она знает. Пришел охотник, заходит, а она говорит: «Я еще вчера знала, что ты идешь». И старуха эта говорила, где охотнику охотиться, в какой вотчине. А без этого удачи не было, к ней обязательно заходили» [Текст № 1351]. «Вражьи» в гаринской местности называют людей, наделенных сверхъестественными способностями и тесно связанных с нечистой силой.*

В роли благословляющего может выступать и неизвестный персонаж, такой текст единичен: *«Там, где Степа*

Тыгымьска жила, другая еще деревенька была Гагарская. Там охотник Зыков он так рассказывал – пришли они в лес вечером, легли спать в избушке. А Зыков еще не спал. Вдруг открывается дверь и зашел человек и стал с охотником разговаривать: «Ты, Иван Владимирович, не стреляй завтра первого лося, которого первым собака облает, а остальных убьешь». Когда пошли на охоту, утром собака остановила лося, но Иван Владимирович не стрелял в него. Через некоторое время остановили двух лосей и убили их» [Текст № 1324]. В тексте представлен мотив избранничества конкретного охотника, который наделен некой силой, знанием, ведущим к успеху.

Фигура охотника связывает мир леса и обжитый мир людей. В чужом мире леса происходит контакт с «нечистой силой», к которой близки и вражные. Неслучайно рассказы о них близки жанру быличек. Быличка родственна и волшебной сказке. Глава «Таинственный лес» в монографии В. Проппа рассказывает об обряде посвящения героя: «...Лес окружает иное царство, дорога в иной мир ведет сквозь лес» [Пропп 1946: 45].

В «чужом» мире охоты важна символика и магия чисел. Это наблюдается почти во всех текстах, особенно часто – в рассказах об охоте на медведя, отличающегося большей силой сопротивления. Медведь, отличающийся по виду от других, именуется «медведем хозяина», т.е. хозяина леса, лешего. В фольклоре северного Урала и Сибири образ лешего часто параллелен образу медведя, их функции сближены. Медведь может являться слугой «хозяина» тайги, а может и сам выступать в роли хозяина. Магия чисел: убить медведя можно только с 6 шагов; некоторые охотники могут похвастаться добычей 13 медведей; взять медведя можно на 7 день, убить 7 пульей и т.д.

5. Встреча с таинственным на охоте.

1) В роли таинственного здесь выступает (предположительно) хозяин тайги: *«Отец у меня ходил на рябчика. Он их часто постреливал. Кобель у него ушлый был – Пестряйка. Тут идет он и слышит кто-то стреляет и собака чужая брешет. Ну отец не стреляет – боится ранит того – другого. Пошел на выстрелы. Кружил, кружил. А тот все: бах!*

бах! бах! и гав! гав! Ну отец кружил, кружил, а найти того не может. Так всю охоту пролазил по кругу, а следов того, кто бахал не видел. Вот как бывает» [Текст № 1312].

2) В тексте напрямую говорится о сватовстве неизвестной (предположительно – лешачихи или лесной девы): *«Было это, ручаюсь. Пошел Матвей Гаврилович на охоту, парнишка с ним. Пристигла их ночь, заночевали они, нодью сделали. Вдруг слышит: собака залаяла, вдруг голос чей-то говорит: «Хозяин, собаку отзови», а собака сама замолчала. Подходит к нему женщина, марширует; а у него недавно жена умерла. Подходит и говорит: «Возьми меня замуж, только одень крестик на меня и сойдемся. Фарт у тебя будет хороший всегда». Он молчит, не знает, что делать, испугался. Она постояла – постояла и ушла. И собака не залаяла» [Текст № 1333].*

6. Охота как действие зависит от противника (объекта охоты):

1. Охота на медведя – опасная охота;

2. Охота на других животных (соболь, лось, птица) – охота без особого риска, тесты о ней ироничны, напоминают байки, веселые рассказы.

Охота на медведя может быть запланированной и случайной, когда встреча с хищником не планировалась. Охота на медведя в текстах охотничьих рассказов – это ситуация поединка двух равных противников, что отличает ее от традиционного понимания термина охоты («Охота – добывание диких зверей и дичи, служащих источником пушного сырья, мяса, пуха, пера, рогов и других продуктов потребления» [Краткий словарь... : URL]).

Медведь – не жертва, он серьезный и достойный противник. Его непросто убить: для капкана он слишком велик, стрелять издалека нельзя. Нужна невероятная сила духа для победы над этим зверем. Согласно охотничьим рассказам, убить медведя можно только с небольшого расстояния (6 шагов), стреляя прямо в голову. Обращает на себя внимание и особая лексика, употребляемая в отношении охоты на медведя. Н. Граматчикова в статье «Человек и медведь в охотничьих рассказах» пишет об следующее: «Обратим внимание на то, что

в гаринских текстах не происходитмены именованияд медведя на «хозяин», «старик» и др., но встречается мена глагола: «уснул» вместо «издох/окошел/умер» [ГраMATчикова 2016: 69]. Возможно, эта замена понятий на более «мягкие» связана с целью не разгневать хозяина тайги, не насрать на себя проклятья и неудачу.

Медведю приписываются способности человека думать, запоминать и мстить. В гаринских материалах встречаются два взаимосвязанных текста от одного и того же информанта. Первая их встреча была неудачна для охотника из-за осечки оружия. Они расстались, оба ни с чем и обиженные друг на друга. Второй текст рассказывает о второй встрече, когда и медведь, и человек узнают друг друга: *«Тот медведь, от которого я вокруг пня бегал, меня здорово запомнил. Взял я его на седьмой день. Жена расстраивалась, что лося не брал, а того медведя искал. Уж очень он мне насадил. <...> Выхожу туда – на меня валит медведь. Узнал меня. И я его признал. Скинул я варежки пуховые и говорю: «Здорово, батя, вставай». Встал он, ну, я ему в ухо грянул. Уснул медведь сразу. На 14 пудов потянул. Черный медведь. Тут больше все бурые. А этот черный, как хозяин»* [Текст № 1318].

Н. ГраMATчикова в уже упоминаемой статье так характеризует второй текст: «Продолжение задает иную тональность: здесь присутствует практически полный "драматический комплект" (конфликт, агон, мотив мести, день, отмеченный символическим числом и "сменой декораций" (снег – "перенова"), сцена узнавания героев, финальная ретардация и кода) и даже "хор", в роли которого выступает жена рассказчика» [ГраMATчикова 2016: 71]. На наш взгляд, драматизации подвержены почти все исследуемые тексты, в них можно найти какой-либо драматический элемент.

7. Победа (добыча ценного животного) или поражение (увечья охотника, вплоть до смертельного исхода): «Шаузов охотник убил 41 медведя. На сорок пером пострадал, он его подранил, а медведь на него бросился, а собаки не было. Вырвал медведь у Кузьмы челюсть, голову поранил, ружье изломал, когда собака прибежала, тогда его спасла, он остался жить.

Забрался в избушку свою. Намочил платок кровью своей привязал собаке на шею и отправил ее домой. Потом люди из деревни пришли и помогли» [Текст № 1326].

Охотничьи рассказы, с одной стороны, являются достоверным повествованием о повседневных реалиях жизни охотника; с другой стороны, сами эти реалии находятся в мире экзотическом, населенном опасными существами, где происходят события, не поддающиеся рациональному объяснению. Но для охотника необычность происходящего вполне обычна. Благодаря пограничному положению рассказов охотников (между непосредственно рассказом очевидца и жанром былички), роль охотника выражается также двояко. Он является простым человеком, увлекающимся охотой, но и выступает медиатором двух миров. Как участник закрытой субкультуры, которая подразумевает хранение тайн охоты не только от других людей, но от таких же охотников, данный герой занимает нишу между своей чужой и не поддается полной расшифровке.

Литература

Грамотчикова Н. Б. Человек и медведь в охотничьих рассказах (по полевым материалам севера Свердловской области) // Национальные культуры Урала. Фольклорный текст и обряд : Материалы XII всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2016. С. 63–72.

Краткий словарь охотничьих терминов [Электронный ресурс]. URL: http://hunt.12rus.ru/dic3_r.html#3 (дата обращения: 25.11.2017).

Левкиевская Е. Е. Быличка как речевой жанр // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/levkievskaya5.htm> (дата обращения: 25.11.2017).

Протп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1946.

Путилов В. Н. Предисловие // Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / сост. В. П. Зиновьев. Новосибирск : АН СССР, 1987. С. 7–9.

Разумова И. А. Сказка и быличка (Мифологический персонаж в системе жанра). Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 1993.

Словарь литературных терминов [Электронный ресурс] / автор сост. С. П. Белокурова ; электрон. версия А. А. Белокуров. 2005. URL: <http://grammar.ru/LIT/?id=3.0&page=1&wrд=%C1%DB%CB%C8%D7%CA%C0&bukv=%C1>.

Субкультура // Социология : Энциклопедия / сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. Мн. : Книж. Дом, 2003. URL: <https://www.psyoffice.ru/6-568-subkultura.htm> (дата обращения: 28.11.2017).

Фольклорный архив УрФУ, 66_Гари_1977_03, № 1314

Фольклорный архив УрФУ, 66_Гари_1977_03, № 1330

Фольклорный архив УрФУ, 66_Гари_1977_03, № 1323

Фольклорный архив УрФУ, 66_Гари_1977_03, № 1313

Фольклорный архив УрФУ, 66_Гари_1977_03, № 1351

Фольклорный архив УрФУ, 66_Гари_1977_03, № 1324

Фольклорный архив УрФУ, 66_Гари_1977_03, № 1312

Фольклорный архив УрФУ, 66_Гари_1977_03, № 1333

Фольклорный архив УрФУ, 66_Гари_1977_03, № 1320

УДК 821.161.1-1:784.7

ББК Ш33(2Рос=Рус)64-45+Щ318.13

Г.Р. Султанов

(Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия)

«БОЙ ИДЕТ В ОКРЕСТНОСТЯХ КАБУЛА»: ТРАДИЦИИ СОЛДАТСКОЙ ПЕСНИ В ТВОРЧЕСТВЕ ОТРЯДА «КАСКАД»

Аннотация. Данная статья посвящена традициям солдатского песнетворчества, отраженным в «афганских» песнях солдат сороковой армии. Анализ традиционных солдатских мотивов произведен на примере одной песни «Бой идет в окрестностях Кабула». В статье показана связь данного произведения с более ранними солдатскими песнями. Установлены как традиционные, так и новые мотивы, которые свидетельствуют об идейно-эстетической уникальности